

С Л О В О

въ день святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова
26 сентября ¹⁾).

**Любовь — источникъ истиннаго Боговѣдѣнія и основа
христіанскаго просвѣщенія.**

*Возлюбленнїи, возлюбимъ другъ
друга: яко любви отъ Бога есть, и
всякъ любяй, отъ Бога рожденъ есть,
и знаетъ Бога. А не любяй, не позна
Бога, яко Богъ любви есть (1 Іоанн. IV,
7—8).*

Молитвенное торжество святой Церкви въ день преставленія святаго и всехвалянаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, въ честь и прославленіе этого боговдохновеннаго „зрителя неизреченныхъ откровеній и сказателя вышнихъ Божіихъ тайнъ“ и вмѣстѣ великаго проповѣдника и „апостола любви“, приводитъ насъ, братіе, въ особенное благодатное соприкосновеніе съ нимъ и, приковывая нашъ умственный взоръ къ его богосвѣтлому духовному облику, само собою наполняетъ души наши тѣми спасительными уроками вѣры, Боговѣдѣнія, благочестія и любви, какіе оставилъ въ вѣчное наслѣдіе Церкви святыи Іоаннъ Богословъ въ своей жизни и въ своихъ святыхъ писаніяхъ.

Возлюбленнѣйшій ученикъ нашего Господа (Іоанн. XIII, 23. XX, 2. XXI, 20), наперсникъ Самой Воплотившейся

¹⁾ Произнесено 26 сентября 1908 года въ церкви Кіево-Братскаго монастыря.

Любви Божественной, при крестѣ Господа удостоившійся усыновленія Пречистой Его Матери (Іоанн. XIX, 26. 27), святой апостолъ Іоаннъ изъ божественнаго источника любви Христовой преизобильно напитался и любви и высоты Боговѣдѣнія и богословствованія. „Возлегъ на перси—поетъ нынѣ святому Апостолу Церковь,—учителя Христа, на вечери Господни, возлюбленне учениче, оттуду позвалъ еси неизреченная, и небесный вѣзмъ возгремѣлъ еси гласъ: въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“... (Стих. на Лит.). Дѣйствительно, хотя все святыя Апостолы исполнились Духа Святаго (Дѣян. II, 4) и удостоились быть участниками глубокихъ тайнъ домостроительства нашего спасенія, но Евангеліе св. Іоанна полно глубочайшихъ открытій и возвышеннѣйшихъ ученій о существѣ Божіемъ, о тайнѣ и взаимномъ отношеніи Лицъ Пресвятыя Троицы, о дивныхъ путяхъ возрожденія и спасенія челоуѣка и подъ его Апокалипсисъ приподнимаетъ завѣсу надъ таинственную, сокровенную отъ очей смертныхъ, областью послѣднихъ судьбъ міра и Церкви, а его посланія, можно сказать, напитаны наставленіями и правилами той совершенной любви, словами и дѣлами которой, по свидѣтельству церковнаго преданія, была наполнена вся жизнь и благовѣстническо-пастырская дѣятельность святаго Іоанна. Вся глубина богословствованія святаго Іоанна выражается начальными уже словами его Евангелія: *въ началѣ бѣ Слово* (Іоанн. I, 1), а высшую точку въ его ученіи о любви составляетъ его дивное, только у него встрѣчающееся, изреченіе: *Богъ любви есть* (1 Іоанн. IV, 8). Если, по слову Самого Господа, *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открити* (Матѣ. XI, 27, см. Іоанн. VI, 46), то неученый рыбарь могъ открывать неизреченныя тайны ума и сердца Божія не иначе, какъ по чрезвычайному откровенію отъ Самого Бога-Слова. Подлинно, на святомъ Іоаннѣ въ полной

силѣ исполнилось обѣтованіе Христа Спасителя: *любяй Мя возлюбленъ будетъ Отець Мой, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Сынъ* (Іоанн. XIV, 21).

Такъ, братіе, по разумѣнію церковному, двѣ стороны духовнаго облика нынѣ прославляемаго Апостола: дѣятельная и созерцательная, любовь и Боговѣдѣніе, не только всецѣло совмѣщаются въ цѣльной и глубокой личности великаго Апостола, но и тѣсно, неразрывно связаны одна съ другою: святой Іоаннъ потому „содѣлался возвышенѣйшимъ богословомъ, подобно орлу парящимъ въ небесныхъ высотахъ духовнаго міра, что—еще ранѣе—горѣлъ божественнымъ пламенемъ любви къ Богу и къ людямъ и истину своего Боговѣдѣнія и своего ученія о любви свидѣтельствовалъ дѣломъ всей своей жизни. Богооткровенное ученіе и святая христіанская жизнь, вѣра и свидѣтельствующая ее любовь дѣятельная—эти главнѣйшіе устои истинной жизни Церкви—такъ полно и совершенно выразились въ лицѣ святаго Іоанна, что онъ какъ бы во-очію представляетъ ихъ членамъ Церкви и по смерти. Въ этомъ смыслѣ справедливо *слово, изшедшее* (нѣкогда) *въ братію, яко ученикъ той не упретъ* (Іоанн. XXI, 23): въ его лицѣ живутъ и не умираютъ святая вѣра и любовь Христова на землѣ, и Церковь глубоко знаменательно именуетъ святаго Іоанна „приснопамятнымъ, живущимъ и ждущимъ страшное второе Владыки пришествіе“ (стих. на мал. веч.).

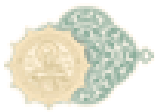
Но, братіе, небесное ученіе апостола Іоанна Богослова о Богѣ, какъ Любви, и о любви, какъ главномъ началѣ жизни христіанской, и при жизни самого апостола любви, и во всѣ послѣдующія времена встрѣчало и встрѣчаетъ на пути воспріятія и осуществленія своего несовершенство и грѣховность человѣческой природы, всегда склонной къ грѣху и злу разнаго рода. Известно, что слово благовѣстія апостольскаго было обращено къ іудеямъ и язычникамъ, изъ которыхъ (тѣхъ и другихъ) нѣкоторые, и по вступленіи въ

Церковь Христову, обнаруживали склонность сохранить порокъ „суетнаго житія, отцы преданнаго“ имъ (1 Петр. I, 18): іудействующее направленіе ставило выше всего подзаконную праведность буквы закона и, не проникая въ живой духъ истинной любви, замѣняло послѣднюю дѣлами внѣшняго благочестія и видимой любви къ Богу, а направленіе явчествующее злоупотребляло дарованною въ христіанствѣ свободою духа и порою выражалось въ плотской распущенности, въ отрицаніи всякаго закона и т. д. Послѣднихъ апостолъ Іоаннъ обличаетъ въ Апокалипсисѣ — подъ именемъ Николаитовъ, держащихся ученія Валаамова (Апок. II, 14–15), и къ нимъ же могутъ относиться слова посланія: *еще речемъ, яко общеніе имали съ Нимъ (Богомъ), и во тьмѣ ходимъ, ажемъ и не творимъ истинны* (1 Иоанн. I, 6). Самоправедность іудействующихъ, надо думать, обличается въ другихъ словахъ того же посланія: *еще речемъ, яко грѣха не имали, себе прельцаемъ, и истинны нѣсть въ насъ* (1 Иоанн. I, 8). На такой почвѣ могла возникнуть у нѣкоторыхъ мнимая, выражающаяся лишь въ словахъ, любовь, обличаемая Апостоломъ: *иже имать богатство міра (сего), и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любви Божія пребываетъ въ немъ* (1 Иоанн. III, 17); въ противовѣсъ такой мнимой любви, Апостолъ со всею трогательностью увѣщаетъ христіанъ къ любви истинной: *чадца моя, не любилъ слово мѣ, ниже языко мѣ, но дѣломъ и истинною (тамъ же, ст. 18)*. Близко къ только что названной призрачной любви стояла подобная же любовь, которая мнила себя обращенной на одного Бога, забывая или даже ненавидя ближнихъ: *еще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть: ибо не любяи брата своего, его же видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любити* (1 Иоанн. IV, 20), и опять заблужденію св. Апостолъ противопоставляетъ истину: *и сію заповѣдь имали отъ Него, да любяи Бога любятъ и брата*

своего (ст. 21). Любовь къ Богу, какъ къ Источнику жизни (ис. ХLI, 2), единственно достойному предмету влеченія чело-вѣка (ис. LXXII, 26), утверженію и приближенію чело-вѣка (ис. LXXX, 3) и силѣ его (ис. СХХХІХ, 8), должна быть выше всякой другой любви, должна господствовать надъ всѣми стремленіями чело-вѣка; но необходимымъ проявленіемъ ея служить любовь къ ближнимъ нашимъ, и какъ ни тѣло безъ души, ни душу въ тѣлѣ нельзя назвать чело-вѣкомъ, такъ немыслима и истинная любовь къ Богу безъ сопутствующей ей дѣятельной любви къ людямъ. При этомъ, по Апостолу Іоанну, та и другая любовь—не чело-вѣческаго, а божественнаго происхожденія—имѣеть общій источникъ прежде всего во внутренней жизни Бога во Св. Троицѣ, затѣмъ, въ любви Божіей къ чело-вѣку, особенно проявленной въ таинствѣ искупленія; любовь же христіанская есть уже отвѣтъ души чело-вѣческой на недомыслимую любовь Божію: *О семъ явился любви Божіей въ насъ, яко Сына Своего Единороднаго посла Богъ въ міръ, да живи будемъ имъ О семъ есть любви, не яко мы возлюбихомъ Бога, но яко Той возлюбил насъ и посла Сына Своего очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ. Возлюбленіи, аще сице возлюбилъ есть насъ Богъ, и мы должны есмь другъ друга любить... Мы любимъ Его, яко Той первѣе возлюбилъ есть насъ* (1 Іоанн. IV, 9—11. 19). Здѣсь, братіе, на всѣ вѣка утверждены цѣльность, нераздѣльность и равная необходимость обѣихъ главныхъ заповѣдей закона евангельскаго. Однако чело-вѣкъ всегда и вездѣ остается чело-вѣкомъ съ остатками „ветхаго чело-вѣка“, съ его слабостями, грѣхами и зломъ, и тѣ искаженія царственнаго закона любви, возвѣщеннаго Апостоломъ, которыя имѣли мѣсто уже въ апостольское время, никогда не исчезали въ христіанскомъ обществѣ и во всѣ послѣдующія времена; и фарисейская праведность дѣлѣтъ и изычествующая разнузданность плоти тамъ и здѣсь давали себя чувствовать. Два главныя отпаденія Западной Церкви отъ Церкви

Восточной—католичество и протестантство—въ своихъ наиболѣе яркихъ проявленіяхъ какъ бы воспроизводить тѣ древнія—іудействующее и язычествующее—направленія. И въ православно-христіанскомъ обществѣ въ разные времена, не исключая и нашего, на почвѣ недостаточной христіанской воспитанности, въ ббльшей или меньшей мѣрѣ существовали названныя два отклоненія отъ святаго пути по царственному закону любви. И здѣсь—на одной сторонѣ вѣщія набожность, духъ подзаконной праведности, думающей спастись соблюденіемъ одной буквы закона или церковной вѣщности, исчисленіе своихъ заслугъ предъ Богомъ и ожиданіе особой награды за каждую изъ нихъ и—ко всему этому—глубокая нетерпимость къ другимъ и т. под.; на другой—полное удаленіе отъ Христа „на страну далече“, гдѣ не хотятъ знать святаго закона Христова, гдѣ избѣгаютъ даже Его святаго Имени, гдѣ изгоняютъ Его изъ разныхъ областей жизни,—умственной, художественной, практической и всякой другой, и слѣдуютъ лишь собственнымъ идоламъ—модѣ, славолібію, честолюбію, корыстолібію и проч. Нужно ли говорить, что эти—ново-іудействующее и новоязычествующее—направленія жизни такъ же чужды закону любви Христовой, какъ и древнія?

Празднуя нынѣ со всѣмъ христіанскимъ міромъ память великаго Апостола любви и богосвѣщеннаго вѣдѣнія, мы, братіе, первѣе всего должны со всѣми христіанами воскресить въ душахъ своихъ его святые завѣты и молить Господа, да поможетъ Онъ, намъ, молитвами Своего Апостола, разгнать належащую на насъ мглу грѣха и злобы и поставитъ закономъ нашей жизни любовь Христову. Но затѣмъ наше богословское братство нынѣ празднуетъ день особеннаго небеснаго Покровителя своего—Богослова по преимуществу, и это обращаетъ нашу мысль къ собственной задачѣ нашей школы. Цѣль нашего высшаго богословскаго училища—служить орудіемъ распространенія въ народѣ духовнаго просвѣщенія,

служить насажденію среди него Христова ученія въ егъ духѣ и истинѣ, вошложенію христіанскихъ евангельскихъ началъ въ православно-вселенскомъ ихъ истолкованіи въ дѣйствительной жизни. И этотъ долгъ любви и попеченія (с меньшихъ братьяхъ нашихъ сынѣ столько оживляетъ въ нашемъ сознаніи память святаго апостола любви.

Въ выполненіи этого святаго долга, лежащаго на насъ, мы не можемъ, братіе, по временамъ не сталкиваться съ явленіями, вызываемыми наличіемъ въ обществѣ доухъ выше очерченныхъ направленій. Гдѣ же намъ найти то руководительное начало, то непогрѣшимое мѣрило, которое всегда удерживало бы насъ въ дѣлѣ выполненія нашего жизненнаго призванія на пути правомъ и отклоняло бы отъ путей стропотныхъ? И по требованію науки, а еще болѣе по обязанности св. вѣры нашей, мы должны, братіе, разсматривать всѣ предметы и цѣнности съ точки зрѣнія вѣчности. А такимъ вѣчнымъ руководящимъ началомъ можетъ быть лишь *николиже отпадающая* любовь, богоноснымъ посетелемъ которой былъ св. Іоаннъ; — не отвѣченное начало любви и человеколюбія, а небесное таинство Любви Воплощенной, Распятой и всегда изливающей любовь Духомъ Святымъ въ сердца ищущихъ ее; только эта вѣчная любовь, только ничѣмъ несокрушимая вѣра въ любовь Христову, способны *предотвратить для насъ всякія* уклоненія отъ царскаго пути любви, боговѣднія и просвѣщенія. „Пламенемъ любви распали къ Тебѣ сердца наши, Христе Боже, да тою разжигаемы, сердцемъ, мыслию же и душею, и всею крѣпостію нашею возлюбимъ Тя, и искреннаго своего, яко себе, и повелѣнія Твоя храняще, славимъ Тя, всѣхъ благихъ Подателя“. (Кондакъ службы „О умноженіи любви“...). Аминь.

Свящ. А. Глаголевъ.